

Священномученик Иларион (Троицкий)

Христианство или Церковь

Когда люди чего-нибудь не знают или не понимают, они обыкновенно предпочитают молчать. И это, конечно, вполне благоразумно. Представим себе человека; ничего не знающего, например, по химии, который, однако, постоянно вмешивается в дело химиков, поправляет их с великим трудом добытые научные формулы, одну ставит на место другой, одной заменяет другую. О таком человеке каждый скажет, что он поступает в высшей степени неблагоразумно, — что, конечно, и совершенно справедливо, — и его остается только искренне пожалеть.

Но есть одна область вопросов, где каждый считает себя полным хозяином и даже как бы законодателем; это — область вопросов христианской веры и Церкви. В этой области с великим напряжением богословской мысли и с духовным подъемом веры и благочестия установлены также своего рода ясные и определенные формулы, которые остается только принимать на веру. Но несмотря на это, весьма многие люди в область вопросов веры и Церкви, если когда вступают, то не иначе как в качестве очень смелых и решительных реформаторов, которые все хотят переделать по своему личному желанию. В случае, если не хватает знаний или разумения, то вовсе не предпочитают молчать — о, нет! — в таком случае начинают не только говорить, а прямо-таки кричать. Таким-то криком по вопросам веры и Церкви наполнены бывают обыкновенно столбцы газет, обыденные речи тех господ, которые о вере и Церкви вспоминают вообще очень редко, а уж если вспоминают, то предпочитают говорить исключительно авторитетным и обличительным тоном. В этой, так сказать, атмосфере рождается великое множество различных уродливых мнений, которые тем не менее делаются ходячими только потому, что никто не дает себе труда подумать над ними и проверить их. А при господстве подобных мнений очень легко случается, что бессознательно их усваивают даже люди, в душе преданные вере и Церкви.

Одно из весьма распространенных и “принятых” мнений мы назвали *бы отделением христианства от Церкви*, и в вопросе о действительном отношении Церкви и христианства мы и хотели бы разобраться при помощи слова Божия и писаний святоотеческих.

1

Жизнь Христа Спасителя представляет для читающего св. Евангелие весьма много великих моментов, которые наполняют душу именно каким-то особым чувством великого. Но, может быть, то именно была величайшая минута в жизни всего человечества, когда Господь Иисус Христос во мраке южной ночи под нависшими сводами зеленеющих деревьев, сквозь которые как бы само небо смотрело на грешную землю мерцающими яркими звёздами, в Своей первосвященнической молитве возгласил: “Отче Святыи! Соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты дал Мне, чтобы они были едино, как и Мы. Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино” (Иоан. 17, 11. 20. 23). На эти слова Христа следует обратить особенное внимание. В них ясно определена сущность всего христианства: христианство не есть какое-либо отвлеченное учение, которое принимается умом и содержится каждым порознь. Нет, христианство есть жизнь, в которой отдельные личности настолько объединяются между собою, что их единение можно уподобить единству Лиц Св. Троицы. Ведь Христос не молился о том только, чтобы сохранилось Его учение, чтобы оно распространилось по всей вселенной. Он молился об единстве всех верующих в Него. Христос молился Своему Небесному Отцу об устройении или, лучше сказать, о воссоздании

на земле природного единства всего человечества. Человечество создано единым (Деян. 17, 26). “У людей, — пишет св.Василий Великий, — не было бы ни разделения, ни раздоров, ни войны, если бы грех не рассек естества”... И “это главное в Спасителевом домостроении во плоти — привести человеческое естество в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив лукавое сечение, восстановить первобытное единство подобно тому, как наилучший врач целительными врачествами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части”. Вот такое-то единение человеческих личностей — не апостолов только, но и всех верующих во Христа по слову их — и образует Церковь. Среди земных предметов не нашлось ни одного, с которым можно было бы сравнить новое общество спасенных людей. На земле нет единства, с которым можно было бы сравнить единство церковное. Такое единство нашлось только на небе. На небе несравненная любовь Отца, Сына и Духа Святого соединяет три Лица во едино Существо, так что уже не три Лица, но Единый Бог, живущий триединой жизнью. К такой же любви, которая многих могла бы слить воедино, призваны и люди, о чем и Христос молился Отцу Небесному: “Пусть любовь, которую Ты возлюбил Меня, в них будет” (Иоан. 17, 26).

В приведенных словах Христа истина Церкви поставлена в самую тесную связь с тайной Пресвятой Троицы. Люди, вступившие в Церковь и возлюбившие ее, подобны трем Лицам Пресвятой Троицы, которых Их любовь соединяет во едино существо. Церковь есть как бы единосущие многих лиц, создаваемое нравственным началом любви. Эту именно мысль в приведенных словах первосвященнической молитвы Христа Спасителя усматривают весьма многие из знаменитейших отцов и учителей Церкви — св.Киприан Карфагенский, св.Василий Великий, св.Григорий Нисский, Амвросий Медиоланский, Иларий Пиктавийский, Кирилл Александрийский, блаж. Августин и преп. Иоанн Кассиан. Позволим себе привести краткие суждения немногих из этого великого и славного сонма отцов. Так еще св.Киприан Карфагенский писал к Магну: “Господь, внушая нам, что единство происходит от Божественной власти, утверждает и говорит: “Аз и Отец едино есма” (Иоан. 10, 30). И направляя Свою Церковь к таковому единству, прибавляет: “И будет едино стадо и един пастырь (Иоан. 10,1 б)” . А в своем сочинении “о молитве Господней” он же говорит: “Не довольствуясь тем, что искупил нас Своею кровию, Он (Господь) еще и просил за нас! А прося, смотрите, какое Он имел желание: да и мы пребываем в том самом единстве, в каком Отец и Сын едино суть” . А вот что пишет св. Кирилл Александрийский. “В пример и образ нераздельной любви, согласия и единства, мыслимого в единомушии, Христос, взяв существенное единство, какое Отец имеет с Ним, а Он со Своей стороны с Отцом, — желает объединиться некоторым образом и нам друг с другом, очевидно так же, как Святая и Единосущная Троица, так что одним мыслится все тело Церкви, восходящей во Христе чрез соитие и соединение двух народов в состав нового совершенного. Образ божественного единства и существенное тожество Святой Троицы, как и совершеннейшее взаимопроникновение, должно находить отражение в единении единомыслия и единомушия верующих”. Св. Кирилл показывает и “природное единство, коим мы друг с другом и все с Богом связываемся, быть может, не без единства телесного”.

Все земное дело Христа поэтому должно рассматривать не как одно только учение. Христос приходил на землю вовсе не для того только, чтобы сообщить людям несколько новых теоретических положений; нет, Он приходил, чтобы создать совершенно новую жизнь человечества, т. е. Церковь. Христос Сам говорил, что Он создаст Церковь (Матф. 16, 17). Это новое общество человеческое по мысли Самого Создателя его существенно отличается от всех естественных соединений людей в разные общества. Христос Сам нередко Свою Церковь называл Царством Божиим и говорил, что это Царство не от мира (Иоан. 14, 27; 15,19; 17,14,16; 18, 36), т. е. характер его не от мира, не мирской, оно не подобно царствам политическим.

Идея Церкви, как новой совершенной общественности в отличие от общественности, например, государственной, весьма глубоко и прекрасно выражена в кондаке на день Сошествия Св. Духа, когда Церковь именно вспоминает и празднует свое начало. “Егда снизшед языки слия, разделяше языки Вышний; егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва, и согласно славим всесвятото Духа”.

Здесь основание Церкви ставится в параллель со столпотворением Вавилонским и “смешением языков”. Именно тогда Бог, снизшед, языки слия и разделяше языки Вышний.

Библейский рассказ о “столпотворении Вавилонском” имеет весьма глубокий смысл. Как раз перед этим рассказом Библия сообщает о первых успехах грешного человечества в области культуры и гражданского общежития; перед столпотворением именно начали люди создавать каменные города. И вот смешил Господь языки живущих на земле, так что они перестали понимать друг друга и рассеялись по всей земле (Быт. 11, 4. 7-8). В этом “столпотворении Вавилонском” дан как бы некоторый общий тип гражданской или государственной общественности, основанной на внешнеюридической норме.

Наш русский философ В. С. Соловьев так определял право. “Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, недопускающего известных проявлений зла”. Но если принять даже и это определение права, оно, очевидно, все же никогда не совпадет с христианской нравственностью. Право касается внешности и проходит мимо существа. Общество, созданное на правовых началах, никогда не может слить людей воедино. Единение разрушается себялюбием, эгоизмом, а право не уничтожает эгоизма; напротив, только утверждает его, охраняя его от покушений со стороны эгоизма других людей. Цель государства, основанного на праве, в том, чтобы создать по возможности такой порядок, при котором эгоизм каждого его члена находил бы себе удовлетворение, не нарушая в то же время интересов другого. Путь к созданию такого порядка может быть один — некоторое ограничение эгоизма отдельных членов. В этом неразрешимое противоречие права: оно утверждает эгоизм, но оно же и ограничивает его. А потому общество, основанное на юридических началах, всегда носит в себе самом семена своего разложения, ибо оно охраняет эгоизм, начало, разъедающее всякое единение. Судьба башни Вавилонской — судьба юридического общества; в этом обществе часто должно происходить “смешение языков”, когда люди перестают понимать друг друга, хотя бы и говорили на одном языке. Правовой порядок нередко сменяется ужасным беспорядком.

Такому-то правовому, чисто земному обществу и противопоставляется общество христианское — Церковь. “Егда огненные языки раздаяше, в соединение вся призва”. Христос создает Церковь не путем охранения человеческого эгоизма, а путем полного его уничтожения. В основу церковного единения положены не охраняющие личный эгоизм правовые начала, а любовь, — начало, противоположное эгоизму. В своей прощальной беседе Христос говорил ученикам: “Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою” (Иоан. 14, 34-35). Вот это-то новое начало церковного единения и создает не механическое объединение внутренне разделенных личностей, а единение органическое. Сам Христос уподоблял церковное единство органическому единству дерева и его ветвей (Иоан. 15, 1-2). Но особенно подробно об органическом единстве Церкви говорит ап. Павел. Сравнение Церкви с деревом есть и у ап. Павла (Рим. 11, 17-24), но наиболее часто ап. Павел называет Церковь “телом” — *σῶμα*. Уже само название Церкви “телом” указывает на ее единство, ибо два тела органически между собою связаны быть не могут, — а также и на особый характер объединения входящих в состав Церкви членов. Образ “тела” в приложении к Церкви прекрасно раскрывает сам же ап. Павел. Многие, т.е. все входящие в Церковь, составляют одно тело во Христе, а порознь один для

другого члены (Рим. 12, 5; 1 Кор. 12, 30). Тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело. Тело не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: “Я не принадлежу к телу, потому что я не рука”, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: “Я не принадлежу к телу, потому что я не глаз”, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Бог расположил члены, каждый в теле, как Ему было угодно (1 Кор. 12,12.14-16.18). Как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело (Рим. 12,4). Не может глаз сказать руке: “Ты мне не надобна”; или также голова ногам: “Вы мне не нужны”. Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены (1 Кор. 12, 21. 2.4-26. 28. Сравн. Рим. 12, 6 9).

Но как возможно осуществление такого единения людей в церковной общности? Ведь естественное состояние человека более соответствует именно созданию только правового общества, ибо грех и есть самоутверждение или себялюбие, которое охраняется гражданским правом. Действительно, для человека, пока он будет охранять свое греховное состояние, совершенное единение будет пустой мечтой, которой не суждено осуществиться в действительности. Но здесь все именно и разрешается идеей Церкви. Христос дал заповедь: “любите друг друга”, но одной этой заповеди совершенно недостаточно. Эта заповедь, как и всякое теоретическое положение, ничего создать не может, если нет сил для ее осуществления. И если бы христианство ограничивалось только теоретическим учением о любви, оно было бы бесполезно, потому что в наличной человеческой природе, искаженной грехом, нет сил для осуществления этого учения. Разум признает, что заповедь о любви хороша, но человек постоянно будет встречать в самом себе иной закон, противоположающий закону ума и пленяющий его закону греховному (Рим. 7, 22-23). Но в том-то сила и значение дела Христова, что оно не ограничивается теоретическими положениями. Человечеству даны новые силы, а потому для него и возможным становится новое церковное единение. Дано новое начало, новый источник жизни — Дух Святой. Сам Христос говорил, что, кто не родится водою и Духом, не может войти в Царствие Божие (Иоан. 3, 3), — нужно быть рожденным от Духа (Иоан. 3, 6. 8). И когда ап.Павел говорит об единении людей в Церкви, он всегда говорит о Духе Святом, как об источнике этого единения.

Церковь для Апостола не только “едино тело”, но и “един Дух”; и здесь разумеется не единомыслие или единство религиозных убеждений, как хотят толковать некоторые западные ученые, но единый Дух Божий, проникающий все тело Церкви, как и свидетельствуют святые отцы и учителя Церкви. “Что такое единение Духа?” — спрашивает св. Иоанн Златоуст и отвечает: “Как в Геле дух все объемлет и сообщает какое-то единство разнообразию, происходящему от различия членов телесных, так и здесь. Но Дух дан еще и для того, чтобы объединять людей, неодинаковых между собою по происхождению и по образу мыслей” . “Этими словами (един дух) он хотел побудить к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили одного Духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть раздоров”. Блаж. Феодорит: “Все вы сподобились единой благодати; единый источник разливает различные потоки. Единый прияли Дух, одно составляете тело” . Блаж. Иероним: “Одно тело в смысле тела Христова, которое есть Церковь; и один Дух Святой, — один именно раздаятель и освятитель всех”. Блаж. Феофилакт Болгарский: “Как в теле дух есть начало все связывающее и объединяющее, хотя члены различны; так и в верующих есть Дух Святой, который объединяет всех, хотя мы разнимся друг от друга и родом, и нравами, и занятиями” .

По мысли Апостола, вся жизнь церковная есть проявление именно Св. Духа Божия; всякое проявление любви, всякая добродетель есть действие дарования Духа. Все производит один и тот же Дух. Люди, по выражению ап.Петра, лишь строители многообразной благодати (1 Петр. 4, 10). Дух Божий, проникающий Собою все Тело Церкви, подающий всем членам этого тела различные дарования, и делает возможной для человечества новую жизнь. Он-то и соединяет всех в одно тело, и соединяет именно тем, что вливает в сердца любовь, которая в естественном состоянии человека не может быть принципом его жизни и его отношений к другим людям.

Любовь от Бога — это изречение ап.Иоанна (1 Иоан. 4, 7) можно назвать как бы общей темой целого ряда апостольских рассуждений. Любовь называется *Божией*. Любовь *Христова* объемлет членов Церкви (1 Кор. 5,14). *Господь* направляет сердца всех в любовь Божию (2 Сол. 3, 5). Любовь — плод Духа (Гал. 6, 22). Любовь Божия излита в сердца наши Духом Святым, данным нам (Рим. 5, 5). Бог спас нас обновлением Духа Святого, которого излил на нас обильно чрез Иисуса Христа, Спасителя нашего (Тит. 3,5).

Таким образом, в Церкви живущий Дух Святой дает каждому члену Церкви силы быть новой тварью, в жизни своей руководиться любовью. Учение ап.Павла о Церкви неразрывно связано с его учением о любви, как начале христианской жизни. Эта связь мало замечается современными учеными толковниками, но ее указывают святые отцы Церкви. Так блаж. Феодорит об апостольском сравнении Церкви с телом говорит: “Уподобление сие прилично учению о любви” И св. Иоанн Златоуст, толкуя слова: “едино тело”, — говорит: “Павел требует от нас такой любви, которая бы связывала нас между собою, делая неразлучными друг от друга, и такого совершенного единения, как бы мы были членами одного тела, потому что только такая любовь производит великое добро”. Читая послания ап.Павла, можно заметить, что о Церкви и о любви он говорит обыкновенно рядом, и это, конечно, потому, что в самой системе Апостола обе эти идеи неразрывно связаны между собою. Вся христианская мораль у Апостола зиждется на догматическом учении о Церкви. Так, в последних главах послания к римлянам Апостол подробно говорит о христианской нравственности. Эта речь начинается с 9-го стиха 12-й гл., а в пяти предыдущих (4-8) стихах Апостол кратко изложил учение о Церкви, как о теле. В первом послании к коринфянам за учением о Церкви, изложенным в 12-й главе, непосредственно следует “новозаветная песнь любви” (12, 31-13, 13). Нечто подобное можно заметить и в посланиях к ефессянам и колоссянам.

Что же следует из всего сказанного? Учение Христа есть учение не только о воссоздании отдельной нравственной личности, но и о воссоздании совершенной общности, т. е. о Церкви. В Церкви живущий Дух Божий дает силы для осуществления христианского учения в жизни, а так как учение это есть учение о любви, то осуществление его опять-таки создает общность, ибо любовь — начало связующее, а не разъединяющее. *Вне Церкви и без Церкви невозможна христианская жизнь.* Без Церкви остается одно христианское учение, т. е. пустой звук. Христианская жизнь есть жизнь церковная. *Только в жизни Церкви может жить и развиваться отдельная личность.* В телесном организме отдельные члены никогда не растут и не развиваются отдельно друг от друга, а всегда только в связи со всем организмом. То же и в Церкви. Возрастание Церкви есть в то же время и возрастание ее отдельных членов.

В новозаветных писаниях цель бытия Церкви и указывается в нравственном совершенствовании человеческой личности. Духовные дарования и все вообще служения существуют в Церкви, по мысли ап.Павла, для совершения святых, т. е. для нравственного возрождения христиан (Ефес. 4,12), доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Ефес. 4,13). А затем

Апостол изображает и тот процесс, которым возрожденное человечество достигает в меру полного возраста Христова. Но, к сожалению, слова, где говорится об этом процессе, едва ли не самые темные во всем славянском тексте Нового Завета. Именно: “из него же все тело, составляемо и счиневаемо приличие всяцем осязанием подаяния, по действию в мере единый коеяждо части, возвращение тела творит в создание самого себе любовь” (Ефес. 4, 16). Несколько понятнее в русском переводе: “Из Которого все тело, составляемое и совокупаемое посредством всяких взаимноскрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви”. Однако предпочтение нужно отдать тексту славянскому, потому что русский не передает всей мысли подлинника, которая сохраняется в славянском, но скрыта туманными выражениями. Не входя в подробный разбор греческого текста, мы скажем только, какую мысль хочет выразить Апостол. Все тело Церкви постоянно более и более гармонически объединяется посредством восприятия благодатных даров Св. Духа, действующих в каждом особым образом, и так тело Церкви достигает совершенства во всех своих членах. Все возрастание церковного организма обуславливается причастием отдельных членов закону любви, потому что только при любви и при союзе с Церковью возможно само восприятие даров Духа. Так понимают приведенные слова св. Апостола св. Иоанн Златоуст, блаж. Феодорит, Иоанн Дамаскин и блаж. Феофилакт. Их мысли объединяет Преосвященный Феофан-Затворник, слова которого мы и приведем. “Вера христианская сочетавает верных со Христом и таким образом из всех составляет единое тело стройное. Христос творит сие тело, каждому сообщая Себя и Духа благодати ему подавая действительно, осязательно, так что сей Дух благодати, сходя на каждого, делает его тем, чем ему следует быть в теле Церкви Христовой. Тело Христово, стройно сочетаваясь таким подаянием Духа, растет затем в себе, по той мере, в какой каждый член отвечает своему назначению или действует во благо Церкви всею полнотою полученного дара благодати”.

Из приведенного учения ап. Павла и его истолкований святыми отцами видно, что по новозаветному учению совершенствование личности обусловлено ее принадлежностью к Церкви, как живому возрастающему при благодатном воздействии Св. Духа организму. Если будет порвана связь с телом Церкви, то личность, обособившись и замкнувшись в своем эгоизме, лишена будет благодатного воздействия Св. Духа, живущего в Церкви. “В самом деле, если бы случилось руке отделиться от тела, дух, истекающий из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходит на отнятую руку, но если не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собою любовью”. “Все, что только отделилось от жизненного начала, не может, с потерю спасительной сущности, жить и дышать особою жизнью”. “Отдели солнечный луч от его начала, — единство не допустит существовать отдельному свету; отлomi ветвь от дерева, — отломленная потеряет способность расти; разбщи ручей с его источником, — разобщенный иссякнет. Равным образом, Церковь, озаренная светом Господним, по всему миру распространяет лучи свои; но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела остается неразделенным. По всей земле распростирает она ветви свои, обремененные плодами; обильные потоки ее текут на далекое пространство; при всем том глава остается одна, одно начало, одна мать, богатая преспеянием плодотворения”. В этих одушевленных и нежно-поэтических словах ясно выражена мысль, что отдельная личность, даже отдельная христианская община, постольку жива, поскольку она живет Христовой жизнью, поскольку она соединена со всей вселенской Церковью. Обособиться, замкнуться в себе, это для личности или даже для поместной церкви то же, что для луча отделиться от солнца, для ручья — от источника, для ветви — от ствола. Жизнь духовная может быть только при

органической связи со вселенской Церковью; порвется эта связь, — иссякнет и жизнь христианская.

Надеемся, достаточно показано, что идея Церкви и в новозаветном учении имеет весьма существенное значение. Христианство имеет в виду не интересы рассудка; оно учит только о спасении человека. Поэтому в христианстве нет чисто теоретических положений. Истины догматические имеют нравственное значение, и христианская мораль основана на догматах. Но именно идея Церкви и есть тот пункт, в котором вероучение переходит в нравоучение, христианская догматика переходит в этику. Идея Церкви дает жизнь и осуществление христианскому учению. *Без Церкви нет христианства*; остается только христианское учение, которое не может “обновити падшего Адама”.

Если теперь от раскрытия новозаветной идеи Церкви обратимся к фактам первоначальной истории христианства, то увидим, что именно эта идея была основной идеей христианского мировоззрения, и она именно создавала действительность. Христиане сознали себя прежде всего Церковью, и общество христианское предпочтительно пред всеми другими названиями именовало себя Церковью. Слово “Церковь” (ε κκλησια) σ же в Новом Завете встречается 110 раз. Слово же “христианство”, как и многих других слов на “ство” Новый Завет не знает. После сошествия Духа Святого на учеников и апостолов Христовых получила бытие Церковь, как видимое общество с духовными взаимными отношениями составляющих его членов. Ведь сначала не было никакой системы догматики. Вера Христова заключена была в немногих самых общих положениях. Нечему было учиться в христианстве. Мало требовалось согласия в каких-либо теоретических положениях. Что же значило в то время быть христианином? В наше время на этот вопрос можно услышать много разных ответов, примерно таких: быть христианином — значит признавать учение Христово, стараться исполнять Его заповеди. Это, конечно, еще наилучший ответ. Но первохристианство отвечало на этот вопрос совершенно иначе. Уже с самых первых страниц своей истории христианство является пред нами в виде единомысленной и единокорной общины. Вне связи с этой общиной не было христиан. Уверовать во Христа, сделаться христианином, это значило присоединиться к Церкви, как это неоднократно и выражено в книге деяний апостольских, где читаем: “Господь ежедневно прилагал спасаемых к Церкви” (2, 47; 5, 13-14). Всякий новый верующий был как бы веткой, прививавшейся к дереву церковной жизни.

А вот и наиболее характерный пример, как бы иллюстрация такого именно присоединения к Церкви. Гонитель Савл, дышавший прещением и убийством на учеников Господних, на пути в Дамаск чудесным образом делается Христовым последователем. Здесь пред нами особое откровение Бога человеку. Однако в Дамаске Господь посылает Савлу Ананию, который и крестил его, после чего Савл несколько дней был в Дамаске с учениками. Затем Савл, прибывши в Иерусалим, старается присоединиться к ученикам, и после того, как Варнава сообщает о нем Апостолам, он *пребывает* с ними. Таким образом, даже и будущий великий Апостол, которого еще в видении Анании Господь называет избранным сосудом (Деян. 9, 15), непосредственно за своим обращением присоединяется к Церкви, как к видимому обществу. Здесь особенно наглядно показано, что Господь не хочет знать рабов Своих вне Церкви.

Понятно, почему св. ап. Павел так настойчиво в своих посланиях говорит о Церкви: он не создает учения о Церкви, а еще при самом своем обращении он встретился с Церковью, как с фактом. Даже и до обращения своего Савл знал именно Церковь, а не что-либо иное. Он сам вспоминает впоследствии: “Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее” (Гал. 1, 13). Савл гнал не последователей какого-либо учения, но именно Церковь, как величину, определенную даже и для “внешних”.

Первохристианская община и была, по свидетельству Деяний, почти полным осуществлением идеи Церкви. У множества верующих, читаем в книге деяний апостольских, было одно сердце и одна душа (4, 32). И весьма замечательно, что в IV веке, при раскрытии догмата о св. Троице, некоторые святые отцы в качестве аналогии указывали именно на первохристианскую общину, где множество было единством.

А насколько первохристианская община была резко определена, об этом прекрасно говорит один стих книги Деяний, которого как-то не замечают. “Из посторонних никто не смел пристать к ним” (5, 13).

Таким образом, с одной стороны, обращение в христианство мыслится как присоединение к Церкви, а с другой — “из посторонних никто не смел пристать к ним”. Разве не ясно, что в самое первое время, когда живы были непосредственные ученики Господа, христианство было именно видимым обществом — Церковью, потому что оно не было еще теорией, а было самою жизнью? Да в первые века Церковь противопоставляла себя школе. Школа, *σχολή διδασκαλείου*, — это было на языке древних христиан почти бранным словом. Школой назывались еретические общины, отделявшиеся от Церкви, как это можно видеть из сочинений св. Ирины Лионского и Ипполита Римского. Этим названием не подчеркивали ли того своего воззрения, что вне Церкви нет христианской жизни, а остается место только рациональному школьному, схоластическому мудрованию.

Можно теперь привести даже свидетельство и “от внешних”. Известно, как исказили идею Церкви протестанты, проповедуя какое-то учение о “невидимой” Церкви. Учение это настолько туманно и неопределенно, что даже один лютеранский богослов в официальном докладе на Шпейерском сейме в 1875 году заявил: “Наше протестанское учение о церкви до сих пор отличается такою неясностью и непоследовательностью, что может быть названо Ахиллесовой пятой протестантизма”. Однако иногда протестанты пытаются навязать свое учение о Церкви первохристианству, и некоторые из протестантских ученых решительно заявляют, что основание видимой Церкви противоречит евангельскому христианству и было его искажением. Такова, например, точка зрения Рудольфа Зомма. Но в последнее время и в протестантской науке раздаются не столь решительные голоса о Церкви первых веков: чуждая Церкви наука приходит понемногу к признанию той истины, что Церковь и христианство в первое же время были понятиями тождественными и совершенно друг от друга неотделимыми.

Наконец, думается, мы сделали бы большое опущение если бы не привели хоть некоторых суждений древнецерковных писателей по интересующему нас вопросу. Остановимся на взглядах только двух писателей, много трудившихся над уяснением догмата о Церкви, — св. Киприана Карфагенского и блаж. Августина.

По суждению св. Киприана, быть христианином значит принадлежать к видимой Церкви и подчиняться поставленной в ней от Бога иерархии. Церковь есть осуществление любви Христовой, и всякое отделение от Церкви есть именно нарушение любви, в чем и грешат равно и еретики, и раскольники. Это и есть основная мысль его трактата “о единстве Церкви”; та же мысль постоянно повторяется и в письмах св. отца. “Христос даровал нам мир; Он повелел нам быть согласными и единомышленными; заповедал ненарушимо и твердо хранить союз привязанности и любви. Не будет принадлежать Христу тот, кто вероломным несогласием нарушил любовь Христову: не имеющий любви и Бога не имеет. Не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единомышленными в Церкви Божией .

У еретиков и раскольников нет любви, т. е. основной христианской добродетели, а потому они христиане только по имени. “Еретик или раскольник не сохраняет ни единства Церкви, ни братской любви, действует против любви Христовой”. “Маркиан, соединившись с Новацианом, сделался противником милосердия и любви”. Об еретиках известно, что они

отступили от любви и единства католической Церкви . “Какое соблюдает единство, какую любовь хранит, или о какой любви помышляет тот, кто, предавшись порывам раздора, рассекает Церковь, разрушает веру, возмущает мир, искореняет любовь, оскверняет таинство”?

Св.Киприан высказывает даже такую решительную мысль: вне Церкви не может быть и учения христианского, не только христианской жизни. Только в Церкви есть чистая вера. Церковь Киприан и называет “истиной” . Единство веры нельзя отделять от единства Церкви . Истина одна, как одна и Церковь . Тому, кто не придерживается единства Церкви, нельзя думать, что он сохраняет веру. Всякое отделение от Церкви непременно связано бывает и с искажением веры. “Враг изобрел ереси и расколы, чтобы ниспровергнуть веру, извратить истину, расторгнуть единство. Служители его возвещают вероломство под предлогом веры, антихриста под именем Христа и, прикрывая ложь правдоподобием, тонкою хитростью уничтожают истину” . “Как диавол не есть Христос, хотя и обманывает Его именем, так и христианином не может почитаться тот, кто не пребывает в истине Его евангелия и веры” . “Еретик рассекает Церковь, разрушает веру; он вооружается против Церкви, изменник в отношении веры, в отношении благочестия святотатец, непокорный раб, сын незаконный, брат неприязненный” . “Если рассмотреть веру тех, которые веруют вне Церкви, то окажется, что у всех еретиков совсем иная вера; даже, собственно говоря, у них одно изуверство, богохульство и прение, враждующее против святости и истины” . Быть вне Церкви и оставаться христианином, по убеждению св.Киприана, невозможно. Вне Церкви — вне стана Христова .

Отступившие от Церкви и действующие против Церкви — антихристы и язычники. Вот, например, что пишет св.Киприан Антониану о Новациане. “Ты желал, возлюбленнейший брат, чтобы я написал тебе и касательно Новациана, какую ересь он ввел. Знай же, что прежде всего мы не должны любопытствовать, чему он учит, когда он учит вне Церкви. *Кто бы и какой бы он ни был, он не христианин, как скоро он не в Церкви Христа*” . “Как может быть со Христом тот, кто не пребывает с невестою Христовой, не находится в Церкви Его” . Наконец, в трактате “о единстве Церкви” читаем мы знаменитые слова: “*Тот не может уже иметь отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь*” . Св.Киприан совершенно отказывает всем стоящим вне Церкви в названии “христиан”, как бы повторяя решительное восклицание своего учителя Тертуллиана: *haeretici christiani esse non possunt!* (еретики не могут быть христианами!).

Понятно поэтому требование св.Киприана при приеме в Церковь перекрещивать даже новациан, хотя они были только раскольниками. Для Киприана крещение раскольников при приеме в Церковь не было перекрещиванием, но было именно крещением. “Мы утверждаем, — писал св.Киприан Квинту, что приходящих оттуда мы у себя не перекрещиваем, но крестим (*non rebaptizari apud nos, sed baptizari*); ибо они ничего не получают там где нет ничего” . Крещение вне Церкви только “пустое и нечистое погружение” (*sordida et profana tinctio*) . “Там не омываются люди, а только более оскверняются; не очищаются грехи, а только усугубляются. Такое рождение производит чад не Богу, но диаволу” .

Мысль Киприана о недействительности всякого крещения вне Церкви и необходимости снова крестить всех обращающихся к Церкви была подтверждена поместным собором карфагенской Церкви в 256 году, на котором председательствовал сам Киприан. В своем заключительном слове, как бы подводя итог всем соборным рассуждениям, св.Киприан говорит: “Еретиков должно крестить единственным крещением Церкви, чтобы они могли из противников сделаться друзьями и из антихристов — христианами” .

Изложенные воззрения св.Киприана, которые, очевидно, разделял и весь карфагенский собор, наглядно и весьма определенно свидетельствуют о том, как решительно сливались в третьем веке Церковь с христианством и наоборот.

Воззрения св.Киприана небыли восприняты Церковью в их полном объеме. В частности было отвергнуто его учение о необходимости крестить даже и раскольников при их обращении в Церковь. В связи с этим и воззрения блаж. Августина несколько отличны, хотя в сущности взгляд на отношение Церкви к христианству остается все тем же.

Блаж. Августин признает, что учение христианское, понимаемое теоретически, может быть сохранено и вне Церкви. Истина остается истиной, хотя бы ее высказывал и злой человек. Ведь и демоны исповедовали Христа так же, как и ап.Петр. Золото несомненно хорошо, и золотом оно остается у разбойников, хотя и служит у них дурным целям. Христос сказал однажды ученикам: “кто не против вас, тот за вас” (Лук. 9,49-50). Из этого можно видеть, что стоящий вне Церкви в некоторых предметах не против Церкви и имеет нечто из церковного богатства. Афиняне чтили неведомого Бога (Деян. 17, 23), а ап.Иаков свидетельствует, что и бесы веруют (Иак. 2, 19), а они, конечно, вне Церкви. В своих сочинениях против донатистов блаж. Августин подробно доказывает и обосновывает действительность раскольнического крещения.

Но если и вне Церкви можно сохранить истинное учение, если даже таинства, совершаемые в отделении от Церкви, действительны, то нужна ли непременно Церковь? Не возможно ли спасение и вне Церкви? Не отделяет ли блаж. Августин христианство от Церкви? На все эти вопросы в системе блаж. Августина дается отрицательный ответ. Христианскую жизнь, приводящую к спасению, блаж. Августин приписывает только Церкви, а вне Церкви этой жизни быть не может.

Все то, что отделившиеся от Церкви сохраняют из церковного богатства, все это не приносит им ровно никакой пользы, а только один вред. Почему же так? — “А потому, — отвечает блаж. Августин, — что все отделившиеся от Церкви не имеют любви. Христос указал признак, по которому можно узнать Его учеников. Этот признак — не учение христианское, не таинства даже, а только любовь. Потому, — говорил Он ученикам Своим, — узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Иоан. 14, 35). Таинства не спасут, если у принимающего их нет любви”. Апостол говорит: “Если я знаю все тайны (sacra-inenta) и не имею любви, я — ничто (1 Кор. 13, 1-3). Пророчествовал Каиафа, но был осужден. Самое отделение от Церкви есть величайший грех, который и показывает что у раскольников нет любви (Ididem). Возрожденный в крещении, но не соединившийся с Церковью, не имеет от крещения никакой пользы, потому что он любви не имеет; спасительным начинает быть для него крещение только тогда, когда он соединится с Церковью. Благодать крещения не может очистить от грехов того, кто не принадлежит к Церкви; ее действие как бы парализуется упорством раскольнического сердца во зле (т. е. в расколе). Так как крестящийся вне Церкви тотчас после крещения обнаруживает свою греховность, отсутствие у него любви, вступая во мрак своей схизмы, то и грехи немедленно на него возвращаются. А что прощенные грехи возвращаются, если нет братской любви, это наглядно показал Господь, когда говорил о рабе, которому господин простил десять тысяч талантов. Когда же этот раб не сжалился над своим товарищем, который был должен ему сто динариев, то господин приказал отдать ему все, что он был ему должен. Как тот раб на время получил прощение долга, так и крестящийся вне Церкви тоже на время освобождается от своих грехов, но так как и после крещения он остается вне Церкви, то ему снова вменяются все грехи, совершенные и раньше крещения. Простятся же ему грехи только тогда, когда он любовно соединится с Церковью. Не потому схизматики лишены надежды на спасенье, что их крещение недействительно, а только потому, что они вне Церкви и во вражде к ней.

Благодать Св. Духа получить и сохранить может только тот, кто соединен в любви с Церковью. Кто отделился от Церкви, у того нет любви. Нет любви Божией у того, кто не любит единства Церкви, — напрасно он говорит, будто имеет Христову любовь, Любовь может быть сохранена только при единстве с Церковью, потому что Дух Святой оживляет только тело Церкви. Никакой законной и достаточной причины отделяться от Церкви быть не может — кто отделился от Церкви, тот не имеет Духа Святого, как и отсеченный от тела член не имеет духа жизни, хотя и сохраняет некоторое время свою прежнюю форму. Поэтому все отделившиеся от Церкви, пока противятся ей, добрыми быть не могут; хотя бы их поведение и казалось похвальным, — самое отделение от Церкви делает их злыми.

Таким образом, по учению блаж. Августина, Церковь — понятие более узкое, нежели христианство, понимаемое в смысле одних только теоретических положений. Оставаясь вне Церкви, можно быть в согласии с этими теоретическими положениями; для единения же с Церковью необходимо, кроме того, согласие воли (*consensio voluntatum*). Но очевидно, что без этого последнего лишь теоретическое согласие с христианским учением совершенно бесполезно, и вне Церкви нет спасения.

Взгляды св. Кирилла и блаж. Августина, по-видимому, несколько различны, но к выводу они оба приходят совершенно одному: *extra ecclesiam nulla salus* — вне Церкви нет спасения! Спасает людей их любовь, которая есть благодать Нового Завета. Вне же Церкви сохранить любви нельзя, потому что там нельзя получить и Духа Святого.

Итак, что же мы нашли у представителей церковной мысли III-V веков? Нашли мы совершенно то же, к чему пришли и раньше, рассматривая новозаветное учение о Церкви и факты начальной истории христианства. Христианство и Церковь не совпадают друг с другом только тогда, когда под христианством мы будем понимать сумму каких-то теоретических положений, ни к чему никого не обязывающих. Но такое понимание христианства можно назвать только бесовским. Христианами тогда следует признать и бесов, которые тоже веруют и от этого только трепещут. Знать систему христианской догматики, соглашаться с догматами — неужели значит это быть истинным христианином? Раб, знающий волю господина своего и неисполняющий ее, биен будет много и, конечно, справедливо.

“Христианство не в молчаливом убеждении, но в величии дела”, — как говорит св. Игнатий Богоносец.

Нет, Христос не есть только великий учитель; Он — *Спаситель мира*, давший человечеству новые силы, обновивший человечество. Не учение только имеем мы от Христа Спасителя нашего, а жизнь. Если же понять христианство как новую жизнь не по стихиям мира, которому известны только принципы эгоизма и себялюбия, а по Христу с Его учением и образом самоотречения и любви, то *христианство необходимо совершенно совпадает с Церковью. Быть христианином — значит принадлежать к Церкви, ибо христианство есть именно Церковь, и вне Церкви христианской жизни и нет, и быть не может.*

Наконец, достаточно только внимательно посмотреть на Символ веры, чтобы понять, насколько важна идея Церкви. Ведь в Символ веры все почти члены внесены уже после того, как появились различные еретики, искажавшие ту или другую истину. Поэтому весь Символ веры можно назвать как бы полемическим. История его и показывает, как в борьбе с теми или другими ересями пополнялось его содержание. Совсем не то с девятым членом о Церкви. С самого начала этот член находился в Символе веры, куда внесен даже независимо от появления каких бы то ни было лжеучений. Ведь тогда не было еще протестантов, мечтающих о каком-то бесцерковном христианстве. Ясно, что идея Церкви уже с самого начала лежала во главе христианских верований, и *ту истину, что христианство есть именно Церковь, мы можем считать данной от Самого Господа Иисуса Христа.*

Поднявшись на эту высоту церковного самосознания, весьма полезно посмотреть на современную нам жизнь, на распространенные в ней веяния и мнения и дать им *церковную* оценку.

2

“Верую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь”. Так исповедует каждый православный христианин свою веру в великую истину Церкви. Но едва ли можно указать какой иной член Символа веры, который столь мало воспринимался бы сердцем человека, устами читающего Символ веры, как именно девятый, где и выражена истина Церкви. Отчасти это и понятно. Ведь именно в девятом члене Символа веры человек исповедует свою связь с видимым обществом последователей Христовых и тем самым уже в этих кратких словах исповедания он соглашается со всеми истинами, преподаваемыми Церковью, которая признается хранительницей Христова учения, а с практической стороны, однажды навсегда дается согласие на подчинение всем тем законам, которыми Церковь достигает цели своего существования и по которым она, как общество, живущее на земле, управляется. Поэтому, думается, мы не погрешим, если выскажем ту мысль, что истина Церкви по преимуществу пред всеми другими, касается самой жизни каждого христианина, определяет не только его верования, но и саму жизнь. Признать Церковь, это значит — не мечтать только о Христе, а жить по-христиански, идти путем любви и самоотречения. А потому-то и противна истина Церкви тем началам жизни, которые долгим путем и незаметно вкрались в сознание и мирозерцание даже и русского церковного общества, преимущественно, конечно, так называемого общества интеллигентного. С печальных для Церкви времен Петра Первого верхи русского общества оторвались от церковной народной жизни и стали жить скорее общей жизнью со всеми другими европейскими народностями, только не с русской. Подчиняясь западному влиянию во всех областях жизни, русское общество не могло избежать влияния и на строй своего религиозного мирозерцания со стороны западных исповеданий. А эти исповедания недаром верный сын Православной Церкви и святой Родины А. С. Хомяков называл “ересями против догмата о существе Церкви, против ее веры в самое себя”, и отрицание Церкви не напрасно он считал самой характерной чертой и католицизма, и протестантизма.

Истина Церкви много была искажена на Западе после отпадения Рима от Церкви, и Царство Божие стало походить там на царство земное. Латинство с его юридическими счетами добрых дел, с его наемническим отношением к Богу, с его подделкой спасения помрачило в сознании своих членов христианскую идею Церкви.

Латинство породило вполне законное, хотя и весьма непокорное чадо в лице протестантизма. Протестантизм создан на почве гуманизма, но самый гуманизм не был явлением религиозным; напротив, все его руководящие идеи — чисто земные, человеческие: он создал уважение к человеку в его естественном состоянии. И протестантизм, перенесший начала гуманизма в религиозную область, не был протестом подлинного древне-церковного христианского сознания против тех форм и норм, которые были созданы средневековым папизмом, как это нередко склонны представлять протестантские богословы. Нет, протестантизм был протестом в той же самой плоскости; он не восстановил древнего христианства, а одно искажение христианства заменил другим, и была новая ложь горше первой. Протестантизм сказал последнее слово папизма, сделал из него логический вывод. Истина и спасение даны любви, т. е. Церкви — таково церковное сознание. Латинство, отпав от Церкви, изменило этому сознанию и провозгласило: истина дана отдельной личности папы, — пусть одного папы, но все же отдельной личности, — и папа же заведует спасением всех. Протестантизм только возразил: почему же истина дана одному только папе? — и добавил: истина и спасение открыты всякой отдельной личности независимо от Церкви.

Каждый отдельный человек был произведен в непогрешимые папы. Протестантизм надел папскую тиару на каждого немецкого профессора и со своим бесчисленным количеством пап совершенно уничтожил идею Церкви, подменил веру рассудком отдельной личности и спасение в Церкви подменил мечтательной уверенностью в спасении чрез Христа без Церкви, в эгоистической обособленности. На практике, конечно, и протестанты с самого начала отступили от своего главного принципа и окольными путями, контрабандой, так сказать, ввели некоторые элементы догмата от Церкви, признав кое-какие авторитеты, хотя бы в области только вероучения. Будучи церковным анархизмом, чистый протестантизм, как и всякий анархизм, оказался совершенно невозможным и тем самым засвидетельствовал пред нами ту непреложную истину, что душа человеческая по природе церковна.

Однако принципиальная сторона протестантизма пришлась весьма по сердцу человеческому себялюбию и своеволию всех родов. Себялюбие и своеволие получили в протестантизме как бы некоторое освящение и благословение, что сказалось и ныне обнаруживается в бесконечном делении и дроблении прежде всего самого протестантизма. Именно протестантизм открыто провозгласил эту величайшую ложь: можно быть христианином, отрицая Церковь. Связывая же, однако, своих членов некоторыми обязательными авторитетами и церковными правилами, протестантизм тем самым запутывается в безвыходном противоречии: сам же освободил личность от Церкви и сам же ставит некоторые границы этой свободе. Отсюда постоянный бунт протестантов против тех немногих и жалких остатков церковности, которые все еще сохраняются официальными представителями их исповедания.

Понятно, конечно, что именно протестантизм наиболее соответствует утвердившемуся на Западе общему, почти совсем языческому мирозерцанию. Там, где пышно расцветает культ индивидуализма, находя пророков в модной философии и певцов в художественной литературе, там, конечно, не может иметь места Христов идеал Церкви, прежде всего отрицающий в людях себялюбие и своеволие и требующий от них любви.

В современной нам религиозной жизни русского общества есть непосредственное влияние протестантизма. Все наше русское рационалистическое сектантство имеет все свои идейные корни в протестантизме, от которого иногда непосредственно и происходит. Ведь откуда к нам едут всякие сектантские миссионеры, как не из стран протестантских? А потому почти все пункты разногласия сектантов с Церковью Православной сводятся именно к отрицанию Церкви во имя мнимого “евангельского христианства”.

Но и независимо от протестантизма весьма многие приходят теперь к отрицанию Церкви, усваивая вообще западноевропейское мирозерцание, развившееся вне Церкви и духу Церкви совершенно чуждое и даже враждебное.

Больше и больше проникает и к нам тот же западноевропейский горделивый индивидуализм. Наша литература, которая раньше была проповедницей любви и нравственного возрождения, особенно в бессмертных произведениях великого Достоевского, в последние годы в лице, например, Горького, Андреева и им подобных, преклонила колена пред западноевропейским Ваалом гордого индивидуализма. Когда и в православном обществе любовь вытесняется гордостью и самолюбием, которое получает почтенное название “благородного”, — хотя святые отцы Церкви говорят о самолюбии и гордости только бесовских, — когда самоотречение сменяется самоутверждением и смиренное послушание -- гордым своеволием, тогда, конечно, окутывается густым туманом светлая истина Церкви, неразрывно связанная с началами прямо противоположными.

В течение долгих лет отвыкали русские люди мыслить по-церковному, постепенно даже потеряли мысль о Церкви, как о новой Христовой жизни. Было некогда, доброе время когда И. Т. Посошков завещевал сыну своему: “Аз тебе, сыне мой, твердо завещаваю и

заклинаю, да всеми своими силами держишься святые восточные Церкви, яко рождьшия ты матере... и всех противников святых Церкви отревай от себя и никакого с ними сообщения дружеского не имей, понеже они враги суть Божий” . По мысли Посошкова, противник Церкви — непременно враг Божий. Такую ясность мысли весьма многие теперь уже потеряли, и мало-помалу создалась в наши дни *самая ужасная подделка веры Христовой*. Именно на эту веру посмотрели со стороны чисто теоретической, как на сумму истин, над которыми можно производить различные рациональные операции. Христианство же, в смысле церковной жизни возрожденного Христом Спасителем человечества, совсем почти позабыто. Христос Сам сказал, что Он создает Церковь, но разве теперь говорят о Церкви? Нет, теперь предпочитают говорить о христианстве, причем христианство рассматривают как какое-нибудь философское или моральное учение. Христианство, — это звучит, как новокантианство или ницшеанство! Эта подделка Церкви христианством, как тонкий яд, проникает в сознание даже и церковного общества. Она — тонкий яд, потому что скрыт он под цветистой оболочкой громких речей о недостатках “исторического христианства” (т. е. Церкви?), об его будто бы несоответствии какому-то “чистому”, “евангельскому” христианству. Евангелие и Христос противопоставляются Церкви, которая к чему-то называется “исторической”, как будто есть или была когда-нибудь другая “неисторическая” Церковь! Воистину здесь сатана принял образ ангела света. Он показывает вид, будто заботится о благе истины Христовой, будто правду Христову очистить хочет от неправды человеческой. Невольно вспоминается при этом мудрое изречение преп. Викентия Лиринского: “Когда увидим, что некоторые приводят апостольские или пророческие изречения в опровержение вселенской веры, мы не должны сомневаться в том, что устами их говорит диавол”, “а чтобы незаметнее подкрасться к простодушным овцам, прячут они свой волчий вид, не покидая волчьей лютости, и, как руном, окутываются изречениями божественного Писания, чтобы чувствуя мягкость шерсти, никто не побоялся их острых зубов” .

На самом деле противопоставление евангелия Церкви и замена Церкви неопределенным понятием христианства имеет много самых плачевных результатов: жизнь христианская иссыкает, оказывается только одно лишнее учение в бесконечном ряду учений древних и новых, притом учение весьма неопределенное, ибо без Церкви открывается возможность несчетного множества его пониманий самых произвольных и даже друг другу противоречащих. В этом отношении христианство стоит несравненно ниже многих философских школ. В самом деле, основатели философских школ оставили после себя целые тома своих сочинений, оставили более или менее ясно изложенные системы, более или менее полно высказались, так что нет безграничного простора для различных произвольных истолкований их учения. Господь Иисус Христос Своей системы не оставил. Он ничего не писал. Однажды только сказано о Нем в евангелии Иоанна, что Он писал перстом, да и на этот раз он писал на земле или просто только чертил по направлению к земле (Иоан. 8, 6). Поэтому нет ничего легче, как по своему вкусу перетолковывать учение Христово и сочинять “христианство”, выдавая под этим названием мечты своего сердца и образы своей досужей фантазии. Священные книги Нового Завета писаны некнижными апостолами. Но во все века бывали, как их называет св. Ириней Лионский, “исправители апостолов”, которые считали себя выше апостолов, этих “галилейских рыбаков”. Ну, к лицу ли высокообразованному европейцу XX века принимать на веру все, сказанное какими-то “рыбаками”? А потому многие освобождают себя даже и от авторитета апостолов и желают истолковать Христово учение, руководясь только своими личными симпатиями. Ведь Лев Толстой прямо заявлял, что ап. Павел не понял хорошенько учения Христова; себя-то стало быть Толстой считал выше ап. Павла. И много можно дивиться тому, как далеко заходят люди в своем

“истолковании” христианства. Чего только ни захотят они, тотчас все это и находят в Евангелии. Оказывается, что всякую свою праздную мечту и даже злонамеренную мысль можно прикрыть евангельским авторитетом.

Нет, вера Христова становится только тогда ясна и определена для человека, когда он нелицемерно верует в Церковь; только тогда бисер этой веры бывает чист, только тогда не смешивается он с кучей грязного мусора всевозможных своевольных мнений и суждений. Об этом ведь говорил еще ап. Павел, когда Церковь Бога живого называл столпом и утверждением истины (1 Тим. 3, 15).

Таким образом, в отделении от Церкви даже и учение христианское оказывается чем-то весьма неопределенным, неуловимым, по желанию постоянно изменяющимся.

Но подделка Церкви христианством ведет за собою еще одну ужасную подделку, — *подделку Христа Богочеловека человеком Иисусом из Назарета*. Как вера в Церковь неразрывно связана с признанием Божества Христа Спасителя, так и отрицание Церкви непременно ведет за собою отрицание воплощения Сына Божия, отрицание Божества Иисуса Христа. Ведь для того, чтобы дать какое-нибудь учение, для этого нет нужды непременно быть Богочеловеком. Богочеловечество Христа необходимо нужно только тому, кто видит в Нем Спасителя, влившего в естество человеческое новые силы и основавшего Церковь. В самом деле, разве уже из слов Самого Иисуса Христа не видна эта нерасторжимая связь между истиной Церкви и истиной Его Богосыновства? Симон Петр сказал: “Ты — Христос, Сын Бога живаго”. Тогда Иисус сказал ему: “И я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне (т. е. на истине Боговоплощения, которое исповедал Петр) Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея” (Мф. 16, 16-18). Древняя Церковь с особенным напряжением всех своих сил и отстаивала эту истину единосущия воплотившегося Сына Божия с Богом Отцем, потому что она жаждала действительного обновления человеческого естества, воссоздания “новой твари”, т. е. Церкви. Непокколебимая вера в то, что Сын Божий, второе лицо Св. Троицы, сошел на землю, сделался человеком, открыв людям тайны Царства Божия, основал Свою Церковь на земле, пострадал за грехи рода человеческого и, победив смерть, воскрес из мертвых, открыв людям путь к богоуподоблению и обожествлению не только по душе, но и по телу, — эта именно вера лежала в качестве внутреннего мотива в основе всех догматических движений IV века. Почему так напряженна была борьба с арианством? Почему ариане встретили такой решительный отпор, что св. Афанасий Великий, этот столп Церкви Христовой, отказывал им в названии “христиан”? Современному мало религиозному человеку догматические споры IV века кажутся непонятными и как бы не имеющими смысла. Но “это была борьба двух до крайности противоположных воззрений на Христа, — мистически-религиозного, в котором Он являлся источником жизни, спасения, бессмертия и обожения, и рационалистического, где Христос представлялся лишь обожествленным Учителем и нормальным примером для Своих последователей. Вопрос шел в сущности о том, останется ли в будущем христианство религией со всей совокупностью его светлых верований и мистических упований или оно разрешится в простую философию с религиозным оттенком, каких немало было в то время. Поэтому-то и вопросы о Божестве Сына Божия, затрагивавшие самую интимную сторону верующей души, обсуждались на площадях и рынках”. Можно сказать, что и тогда Церковь отстаивала единосущие с Богом Отцом своего Основателя; ариане же, люди рационалистического склада, отрицали единосущие воплотившегося Сына Божия, смотря на Него, как на основателя школы, которому уж не так-то обязательно нужно быть совершенным Богом. Желание быть “новой тварью”, “обновленным естеством”, иначе сказать — Церковью Бога живаго — и требует признать полное Божество Христа. “Бог стал человеком, чтобы человек стал богом”. “Сын Божий сделался сыном человеческим, чтобы сыны человеческие содержались сынами

Божьими”. Вот как определяют смысл Боговоплощения св. Ириней Лионский и Афанасий Великий. Такими же идеями полно богослужение нашей Православной Церкви. Вот примеры из одной только службы на Рождество Христово. “Днесь Бог на землю прииде, и человек на небеса взыде”, “По образу и по подобию истлевша преступлением, видев Иисус, приклонив небеса сниде, и вселися во утробу девственную неизменно, да в ней истлевшаго Адама обновить”. “Да ликовствует убо вся тварь и да играет, обновити бо ю прииде Христос и спасти души наши” . “Истлевша преступлением, по Божию образу бывшего, всего тления суша, лучшия отпадша божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель” . “Желание получивше, и Божия пришествия христокраснии людие сподобльшеся, ныне утешаются пакибытием” . Православная Церковь — носительница идеи действительного спасения человека, его полного возрождения, обновления, воссоздания и обожения, чего своими силами человеку не достигнуть, сколько бы он ни мудрствовал. Церковь для того, чтобы быть именно Церковью, обществом обновленного человечества, требует воплощения Сына Божия, а потому для церковных людей, восприявших всю высоту религиозного идеала св. Церкви, Иисус Христос всегда был и есть Сын Божий, единосущный Богу Отцу. “Другие, — пишет св. Ириней, — не придают никакого значения снисшествию Сына Божия и домостроительству Его воплощения, которое апостолы возвестили и пророки предсказали, что чрез это должно осуществиться совершенство нашего человечества. И такие должны быть причислены к маловеерам”. Во время св. Иринея некоторые лжеучители утверждали, будто все дело Христово состояло лишь в том, что Он дал новый закон вместо ветхого, который Он отменил. Св. Ириней, напротив, утверждает, что не новый закон, не новое учение было целью Христова пришествия, а именно воссоздание падшего естества человеческого. “Если у вас, — пишет он, — возникнет такая мысль: что же нового принес Господь пришествием Своим? то знайте, что Он принес все новое тем, что Он принес Себя Самого и тем обновил и оживотворил человека” . Если же кто отрицает Церковь с ее религиозным идеалом, то и Христос для него становится только в разряд учителей-мудрецов, рядом с Буддой, Конфуцием, Сократом, Лаоцзы и др. Притом Христос оказывается учителем далеко не самостоятельным. Услужливая наука указывает множество разных источников, вплоть до вавилонских мифов, откуда будто бы позаимствовано учение Христово. Христос уподобляется плохому ученому, который составляет свое сочинение, не всегда удачно компилируя из разных чужих книг. Враги христианства со злорадством указывают на эти результаты научных исследований и объявляют, что в сущности Иисус Назарянин даже и учения-то нового не дал; Он только повторил, что было сказано еще до Него и что знали бы и без Него. Но для того, кто верует в Церковь, все эти речи о разных “явлениях” на христианство не имеют ни малейшего смысла, потому что сущность дела Христова, как сказано, вовсе не в учении, а в спасении. Бог послал Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрез Него (1 Ин. 4, 9. срвн. 5, 13). Пусть в учениях земных мудрецов встречаются прозрения истины, близкие к христианству, *но Христос обновим человеческое естество, создал Церковь, ниспослал Духа Святого и тем положил начало новой жизни*, чего никакой мудрец из рода человеческого сделать не мог. Именно для создания Церкви необходимо было сошествие на землю Сына Божия и Его крестная смерть. А потому все, отделяющие христианство от Церкви, рано или поздно приходят к богохульству отрицания Христа-Богочеловека и приходят именно потому, что Богочеловечество Христа становится для них ненужным.

А разве мало развелось у нас людей, мечтающих именно о каком-то бесцерковном христианстве? У этих людей как бы постоянно анархический строй мышления; они или неспособны, а чаще — просто ленятся продумать до конца свои мысли. Но не говоря уже о самых очевидных противоречиях этого бесцерковного quasi-христианства, всегда можно

видеть, что в нем подлинной благодатной христианской жизни, благодатного воодушевления, энтузиазма совершенно не бывает. Когда люди берут Евангелие, забывая, что его им дала Церковь, оно для них — будто коран, сброшенный Аллахом с небес. Когда же они ухитрятся как-то просмотреть в нем учение о Церкви, тогда от всего христианства остается одно учение, столь же бессильное пересоздать жизнь и человека, как и всякая философская система. Наши прародители Адам и Ева хотели без Бога сделаться “как боги”, полагаясь на магическую силу красивого плода. Так и многие наши современники мечтают спастись без Церкви и без Богочеловека, хотя и с Евангелием. На *книгу Евангелия* они надеются точно так же, как Адам и Ева надеялись на райское яблоко. Но книга оказывается не в силах дать им новую жизнь. Люди, отрицающие Церковь, постоянно говорят об евангельских принципах, об евангельском учении, но христианство как жизнь им совершенно чуждо. В бесцерковной форме христианство является одним только звуком, изредка сентиментальным, но всегда карикатурным и безжизненным. Именно вот эти-то люди, отрицая Церковь, сделали христианство, по выражению В.С. Соловьева, “смертельно скучным”. “Когда разрушено здание Церкви, и на голом, плохо выровненном месте держится назидательная проповедь, — то это выходит грустно и даже ужасно”. Это сказал Давид Штраус.

В последнее время у нас наиболее последовательным проповедником бесцерковного христианства был Лев Толстой. Этой своей проповедью Толстой смутил весьма многих, но именно на примере толстовства можно прекрасно наблюдать полную несостоятельность христианства без Церкви.

Исходным пунктом в лжеучении Толстого можно назвать именно его резкое отделение христианства от Церкви. Толстой решительно осудил Церковь, преклонившись в то же время пред христианством. Но христианство тотчас стало для него *только учением*, а Христос — *только учителем*. Когда пред нами какое-нибудь учение, то нам не так-то уж важно, чье оно, кто учитель. И для Толстого живая личность Христа потеряла всякое значение. Взявши учение Христа, о Нем-то Самом оказалось возможным забыть, и Толстой отверг Христа-Богочеловека, назвав Его “распятым иудеем”, “мертвым иудеем”. Уже тем самым было усечено и Евангелие в его начале, где повествуется о сверхъестественном рождении Сына Божия от Девы Марии, и в его конце, где сообщается о воскресении Сына Божия из мертвых и Его вознесении на небеса. Но Толстой не ограничился только этим “обсечением” Евангелия с начала и с конца, а переделал и всю его середину по своему вкусу, заставив таким образом своего Иисуса говорить только то, что прикажет ему из своего кабинета яснополянский учитель. Мало того. Христос Сам обещал Своим ученикам послать им “инога Утешителя”. Этого “Утешителя”, Божественного Параклита, Церковь Христова почитает источником новой благодатной жизни церковной, и ап.Павел, как мы видели, постоянно говорит о живущем в Церкви Духе Святом. Несмотря на все это, Толстой отверг Духа Святого, Православную Церковь в насмешку называл не Христовой, а “святодуховской”, а затем унизился и до кощунства над св. таинствами, в которых член Церкви и получает благодатную помощь св. Духа для новой жизни. Крещение, это таинство возрождения, для Толстого — “купанье младенцев”. Святейшая Евхаристия, без которой, по учению Самого Христа, нельзя иметь в себе жизни (Ин. 6, 53), по кощунственной терминологии Толстого, “похлебка”, которую “глотают с ложечки”. Можно благодарить Толстого за то, что он был смел и последователен. Ограничив все дело Христа только Его учением и отвергнув Церковь, Толстой с логической необходимостью пришел ко всем своим выводам, разрушающим и самое христианство. А нам Толстой наглядно показал, к чему ведет нелепое отделение христианства от Церкви и отрицание Церкви во имя этого мнимого христианства. Если отделить христианство от Церкви, то нет никакой нужды в Божестве Спасителя, не нужен и Дух Святой. А без Духа Святого и без Божества Спасителя, без

воплощения Сына Божия учение Иисуса Назарянина становится столь же мало действительным для жизни, как и всякое другое, ибо нельзя разделять сократовского оптимизма, по которому знание есть добродетель. Несостоятельность же бесцерковного понимания христианства Толстым и ясна уже из того, что толстовство не создало никакой жизни. Христианская жизнь возможна только в единении с живым Богочеловеком Христом и в благодатном единении людей в Церкви. В толстовстве нет ни того, ни другого, и вот вместо энтузиазма церковных мучеников и подвижников, вместо союза любви, связывавшего апостолов и верующих до того, что у них было “одно сердце и одна душа”, — вместо всего этого от толстовства мы имеем только карикатурные и совершенно безжизненные “толстовские колонии”. Не имеющий Сына Божия не имеет жизни (1 Ин. 5, 12). Толстой, как говорил В.С. Соловьев, объединил вокруг себя лишь несколько десятков неумных людей, которые к тому же всегда готовы разбредись в разные стороны. “Великий учитель”, оказывается, никого и ничему не научил, и “зеленая палочка” никого не спасла, потому что для спасения не “палочка” нужна, а крест Христов.

Таким образом, на примере толстовства мы видим, что бесцерковное христианство ведет к ужасному искажению и даже разрушению самого христианства и опровергается его полной безжизненностью.

Этой же безжизненностью посрамляется и протестантское лжеучение. Чего достигли протестанты, помрачив своими мудрованиями идею Церкви? Достигли только разъединения и разъединения самого безнадежного. Протестанство постоянно дробится на секты. Протестантской церковной жизни нет, а есть кое-какая “еле живая” жизнь отдельных сект и общин. Общецерковную жизнь, о которой молился Господь Иисус Христос в первосвященнической молитве, протестанство убило. В самом деле, крайние ортодоксалы протестантства гораздо ближе стоят к православным христианам, нежели к протестантам крайних рационалистических толков, не имеющих с христианством ничего общего, кроме произвольно и без всяких оснований присвоенного себе названия, благо за это к суду не привлекают. Какое же единение возможно между ними? Какая общая жизнь может быть у них?

Говорим все это мы не от себя. В минуты прозрения то же самое, даже более резко, говорят и сами протестанты. “Страна, — пишет один, — которая была колыбелью реформации, становится могилой реформатской веры. Протестантская вера при смерти. Все новейшие труды о Германии, равно как и все личные наблюдения, согласны в этом”. “Не замечается ли в нашем богословии настоящего времени тот факт, что представители его потеряли все положительное?” — спрашивает другой¹. Еще печальнее слова третьего. “Жизненная сила протестантства истощается в путанице догматических школ, богословских раздоров, церковных распрей... Реформация забывается или презирается; слово Божие, за которое умирали отцы, подвергается сомнениям, протестантизм разрознен, слаб, бессилен”. А православный исследователь лютеранства оканчивает свой труд таким безотрадным выводом. “Предоставленные сами себе, своим субъективным разуму и вере, лютеране смело пошли по ложному пути. Автономная и автодидактная личность извратила христианство, извратила самое символическое вероучение, поставив лютеранскую церковь на край гибели. Все более и более отвергаются в лютеранстве авторитеты первых реформаторов, все более и более уничтожается общность верований и все ближе подходит лютеранство к своей духовной смерти”. В настоящее время протестанты уже открыто сознают, что в Германии не более трети пасторов признает Божество Христа. Что это, как не духовная смерть, ибо не имеющий Сына Божия, по слову Апостола, не имеет жизни (1 Ин. 5, 12).

Когда-то в Москве шумели со “Всемирным христианским студенческим союзом”. В центр русских православных святынь понаехали различные миссионеры этого союза, разные

“мистеры Мотты” да “мисс Раус”, которые обратились с английской проповедью к русскому студенчеству. Пришлось и нам слышать доклад об этом заморском союзе. Говорилось о том, что союз внеконфессиональный; в нем предоставлена свобода всякому христианскому вероисповеданию. Вероисповедания объединяются в союзе, по выражению докладчика, “на федеративных началах”. Следовательно, предполагается возможность христианства независимо от Церкви. Но именно потому-то союз этот и есть нечто мертворожденное. Может ли быть, есть ли в этом “союзе” какая христианская жизнь? Если и есть, то самая жалкая. Представьте себе “конгресс” христианских студенческих организаций, на который явились “делегаты федеративно объединившихся конфессиональных фракций”, конгресс с его “резолуциями”, “пожеланиями” и подобным. Если и происходит какое единение, то как оно бесконечно ниже подлинной церковной православной жизни! Только для того, кто блуждает на стране далече не только от святого православия, но и от всякой веры, только для того еле живая жизнь в единении на каких-то “федеративных началах” может казаться новым откровением, отрадой для пустой души. Какое же благо в сравнении с этими проблесками жизни представляет собою полнота православной соборной жизни! Когда слушал я доклады “всемирного христианского студенческого союза”, печалью и горестью наполнялось сердце мое. Столько жаждущих Бога, жаждущих жизни искренних людей “гладом гибнут”, “питаются от рожец” какого-то заморского студенческого союза! Неужели не знают они, как можно избыточествовать хлебы в дому Небесного Отца, в Церкви Православной? Нужно только забыть всякие “федеративные начала”, свободно отдаться в полное послушание Православной Церкви и прилепиться к полноте церковной жизни, к жизни тела Христова. Прекрасно понимал идею Церкви незабвенный А. С. Хомяков, который говорил, что для Церкви Христовой совершенно не возможна уния, а возможно только единство.

Бывали случаи, что легкомысленные люди задумывали кабинетным путем создать всемирную религию, рассылали миллионы воззваний с приглашением объединиться в этой “общей религии”, проект которой и прилагался к воззваниям. Но проект этот составлялся в самых общих выражениях: под ним с одинаковым удобством мог подписаться католик и протестант, магометанин и еврей. И конечно, если бы все люди согласились с этим проектом, то это нисколько не объединило бы их между собою: общие отвлеченные положения никого ни к чему не обязывали бы, люди остались бы те же, спасенья никакого никто не получил бы. Совершенно безумна мысль соединить людей на почве какого-либо учения; для этого потребна особая сверхъестественная сила, которой и обладает единая святая, соборная Церковь Христова.

Весьма нетрудно в отношении всех этих и подобных им явлений современной нам жизни ответить на вопрос: на какой почве могли они появиться и какой их смысл? Почва для них та именно, что подлинный православный христианский идеал Церкви для многих наших современников оказался слишком высоким. Теперь люди настолько закоснели в своем себялюбии, что православный идеал Церкви кажется им каким-то насилием над личностью, непонятным и ненужным деспотизмом. Православный идеал Церкви требует от каждого весьма много самоотверженного смирения, вообще любви, а потому для бедного любовью сердца наших современников, для которых всего дороже их греховное себялюбие, этот идеал и представляется бременем неудобноносимым. Как же быть? О, человечество прекрасно знает как поступать в таких случаях! Когда какой-нибудь идеал покажется не по плечу, слишком тяжелым, его заменяют чем-нибудь более сходным, принижают сам идеал, искажив его сущность, но оставив иногда его прежнее название. Ведь как многие теперь уже махнули рукой на идеал любви! Говорят, что на основе любви строить общественную жизнь, это — совершенно несбыточная мечта, от которой лучше отказаться заранее, чтобы не было хуже потом. Мало того. Увлечение идеалом церковной, даже вообще религиозной жизни прямо-

таки называют вредным; оно будто бы тормозит необходимый прогресс общественной жизни. Ведь совсем недавно, когда вышел сборник “Вехи”, разве из лагеря “общественников” самых прогрессивнейших не неслось отчаянного вопля: “реакция! реакция!” Оставив любовь, как непригодную в жизни общественной, только для “частных” потребностей человека, все свое внимание обратили исключительно на право, которым и думают исцелить все человеческие недуги. На ряду с этим добродетель вообще подменяется порядком и внешним приличием. Золото дорого и для замены его изобрели позолоту, а для замены недостающей добродетели выдумали приличия.

Совершенно так же поступают и с идеалом Церкви, который требует полного единения душ и сердец. Церковь подменяют христианством, величиной совершенно, как мы уже говорили, неопределенной. Совесть иногда остается спокойной; все-таки “христианство” — название приличное! А подставить под это название без Церкви можно все, что только понравится. Таким образом и с Христом не совсем уж порвешь, да и себя-то особенно не обеспокоишь. Одним словом, и волки сыты, и овцы целы!

И беда нашего времени в том, что никто не желает чистосердечно признаться в своей духовной нищете, в ожесточении сердца своего до того, что тяжел и даже непонятен стал Христов идеал Церкви. Нет, подменив золото медью, самому-то золоту не хотят приписывать никакой ценности. Теперь с ожесточением набрасываются на Церковь и отрицают саму идею Церкви, лицемерно прикрываясь громкими и шаблонно красивыми скучными фразами о “свободе личности”, об “индивидуальном преломлении” христианства, о религии свободы и духа. Христов идеал единого церковного общества (“да вси едино будут”, “якоже Мы едино есма”) оказывается приниженным и обезображенным, а потому он и теряет свое жизненное значение. Бесцерковное христианство, какое-то “евангельское” христианство, разные всемирные христианские студенческие союзы — все это не что иное, как принижение и искажение Христовой идеи Церкви, убивающие всякую подлинно христианскую благодатную церковную жизнь.

Но разве только одни эти явления, о которых мы говорили выше, свидетельствуют о недостатке в наши дни понимания неразрывной связи христианства с Церковью? С этим непониманием мы встречаемся положительно на каждом шагу. Ведь теперь люди, мало думающие о Боге вообще, не интересующиеся почти вопросами религиозными, люди, которые пытаются устроиться в жизни без всякой живой веры, считают однако долгом как бы приличия, хоть на словах, с почтением отозваться о христианстве, причем почтение это звучит, конечно, явной фальшью и лицемерием. До полного и открытого презрения к христианству у нас дело еще не дошло. Этого предела достигли только немногие “насилованные от диавола” (Деян. 10, 38) наиболее “передовые” (если, конечно, считать по направлению к аду) отщепенцы. Рядовые же “обыватели”, повторяем, о христианстве говорят обыкновенно с некоторым почтением. “Христианство, о! Это, конечно, высокое и великое учение. Кто же против этого спорит?” Так примерно отзываются о христианстве. Но в то же самое время как бы считается признаком хорошего тона быть в какой-то часто бессознательной оппозиции всему церковному. В душе многих наших современников как-то вместе уживаются почтение к христианству и пренебрежение к Церкви. Христианами, по крайней мере, не стесняются называть себя почти все, но о Церкви и слышать не хотят и стыдятся чем-либо обнаружить свою церковность. Люди, по метрикам значащиеся “вероисповедания православного”, с каким-то не понятным злорадством указывают на действительные, а чаще на вымышленные недостатки церковной жизни, не скорбят об этих недостатках, по заповеди Апостола: “страдает ли один член, страдают с ним все члены” (1 Кор. 12, 26), но именно злорадствуют. В нашей так называемой “прогрессивной” печати есть множество лиц, которые добывают себе средства к существованию исключительно почти

клеветой на церковные учреждения, на представителей церковной иерархии. Клевета на все церковное стала теперь для некоторых просто выгодным ремеслом. Но этой-то заведомой лжи все спешат верить без всякого сомнения. У недобрых людей бывает так, что когда слышат они что-нибудь дурное о своих врагах, то очень спешат всему этому дурному верить, боясь, как бы это дурное не оказалось неправдой. Вот именно то же самое постоянно приходится наблюдать и в отношении многих к Церкви. Здесь мы опять-таки видим, как широко распространено теперь отделение христианства от Церкви: считают себя христианами, а о Церкви слышать не хотят.

Тем более в среде, далекой от веры вообще, имеется на лицо невообразимая путаница понятий. Когда люди, далекие от Церкви, начинают судить о ней, то ясно видно бывает, что они совершенно не понимают существа христианства и Церкви, а потому достоинства Церкви для них представляются ее недостатками. Сколько, например, вспышек какой-то слепой вражды к Церкви вызвала смерть Толстого! Ну разве повинна Церковь в том, что Толстой отступил от нее, сделавшись ее явным и опасным врагом? Ведь он сам порвал с Церковью, как видимым обществом, отрицал необходимость Церкви вообще, считал ее даже вредным учреждением. Держать таких членов — не значило ли это для Церкви отрицать самое себя? Но если так, то что же значат все эти выпады против Церкви и в печати, и в собраниях, и в устных беседах? Положительно, мысль отказывается понимать все это. Нет никакой возможности найти хоть ничтожную долю разумности в речах и поступках, о которых приходилось читать и слышать. Ведь за каждой политической партией признается неотъемлемое право отлучать от себя членов, изменивших партийным взглядам и начавших действовать во вред этой партии. Только Церковь Православная почему-то не может отлучать того, кто сам далеко ушел от нее и стал ее врагом! Ну, кто стал бы укорять и поносить всячески каких-нибудь социал-демократов или кадетов за то, что они перестали бы иметь общение со своим бывшим членом, когда он перешел бы в стан монархистов, и за то, что они публично объявили бы об этом разрыве, сообщая своим членам о происшедшем отпадении! Да, мы наблюдали слепой и бессмысленный взрыв сатанинской злобы против Св. Церкви. Но печальнее всего то, что Церковь поносили многие во имя христианства. Приходилось тысячу раз слышать и читать: “Вот, отлучили Толстого, а уж он ли не был истинный христианин?” Забывая все кощунства Толстого и его отрицание Христа-Богочеловека, такие речи повторяли, по-видимому, люди искренние, а не одни только профессиональные газетные лжецы. Опять-таки заявляет о себе твердо засевшая в современных умах мысль о возможности какого-то “истинного христианства” без Церкви и даже Церкви резко враждебного.

Но разве возможно было бы что-нибудь подобное, если бы ясна была идея Церкви, если бы не была она подменена другими совершенно непонятными и неопределенными величинами? Можно ли себе представить, чтобы в век апостольский христианская Церковь подвергалась каким-либо укорицам со стороны язычников за то, что она отлучает от себя негодных членов, например, еретиков? А ведь в первые века отлучение от Церкви было самой обычной мерой церковной дисциплины, и все считали эту меру вполне законной и весьма полезной. Почему же так? А потому именно, что тогда Церковь выступала яркой и определенной величиной, именно Церковью, а не христианством каким-то. Тогда не оставалось места для нелепой мысли о том, будто, христианство — одно, а Церковь — другое, будто возможно христианство и помимо Церкви. Тогда вражда против Церкви была враждой и против христианства. Вражда же против Церкви во имя якобы какого-то христианства, это — исключительно продукт наших печальных дней. Когда христианство являлось в очах мира именно Церковью, тогда и самый этот “мир” ясно понимал и невольно признавал, что Церковь и христианство — одно и то же.

Но вот такой-то резкой определенности и как бы отъединенности Церкви от всего того, что не есть Церковь, теперь и не достает. В Церкви у нас теперь держат положительно всех, даже тех, кто сам просит его отлучить, как это было после отлучения Льва Толстого. Церковной дисциплины, можно сказать, нет никакой: все для интеллигентных мирян стало необязательным — и посещение богослужения, и исповедь, и причащение. А потому Церковь, как видимое общество, и не имеет теперь ясных и определенных границ, которые отделяли бы ее от “внешних”.

Иногда кажется, будто вся Церковь наша в рассеянии, как бы в каком разброде. Не узнаешь, кто наш, кто от супостат наших. Царствует в умах какая-то анархия. Слишком много появилось “учителей”. Идет “распря в телеси” (1 Кор. 12, 25) церковном. В древней Церкви учил епископ с горняго места; теперь тот, кто сам о себе говорит, что он лишь “в притворе”, даже только “около церковных стен”, считает однако же себя в праве учить всю Церковь, вместе с иерархией. О церковных делах узнают и мнение о них составляют по явно враждебным Церкви “публичным листам” (как называл газеты митрополит Филарет), где по церковным вопросам пишут или расстриженные попы и всякого рода церковные ренегаты, или вообще озлобленные и наглые ругатели (2 Петр. 3, 3), люди, никакого отношения к Церкви не имеющие и ничего, кроме вражды, к ней не чувствующие, например, евреи.

В таком общем смятении многие уже с беспокойством спрашивают: где же Церковь?

Оттого-то и много так в наше время различных весьма причудливых “исканий”. В век апостольский спасающиеся прилагались к Церкви, и из посторонних никто не смел к ним пристать (Деян. 5,13). Тогда не было возможности для вопроса: где же Церковь? Это была ясная и определенная величина, резко отделенная от всего нецерковного. Теперь между Церковью и “миром” стоит еще какая-то промежуточная среда. Теперь нет ясного разделения: Церковь и не-Церковь. Есть еще какое-то неопределенное христианство и даже не христианство, а общая отвлеченная религия. Свет Церкви затемнили вот эти неясные понятия христианства и религии, и его плохо видят все ищущие, почему “искание” так часто теперь и переходит в “блуждание”. А отсюда в наши дни такое изобилие “всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины” (2 Тим. 3, 7). Открылся, если позволительно так выразиться, какой-то спорт “богоискательства”; само “богоискательство” сделалось целью. Ведь о многих наших “богоискателях” позволительно думать, что они в случае, если бы их искания увенчались успехом, почувствовали бы себя в высшей степени несчастными и тотчас начали бы с прежним усердием заниматься “богоборчеством”. Ведь на “богоискательстве” многие в наше время прямо-таки составляли себе “имя”. И вспоминается суровый приговор Преосвященного епископа Михаила (Грибановского) над всякими вообще исканиями. “Потому и ищут, что остались без принципов; и пока ищут лучшие, худшие пользуются сутолокой и мошенничают без всякого зазрения совести. Да и какая совесть, когда никто не знает, что истина, что добро, что зло!”.

Промежуточные понятия религии и христианства только отдаляют многих людей от истины, потому что для искренно ищущего Бога они являются своего рода мытарствами. На путь этих исканий-мытарств вступают многие, но далеко не все с успехом проходят его. Значительная часть так и “ходит по мытарствам”, не находя себе блаженного покоя. Наконец, в этой сфере, так сказать, полусвета — полуистины, в этой сфере недоговоренного и неопределенного, в этом мире неясного и нерешенного” мельчает сама душа, становится дряблой, плохо восприимчивой к благодатному воодушевлению. Такая душа будет пытаться “искать” уже и тогда, когда найдет. Создается печальный тип “религиозных праздношатаев”, как назвал его Ф.М. Достоевский.

Отмеченное положение вещей на всех церковных людей в наше время налагает особую ответственность. Церковные люди много повинны в том, что для всех “ищущих” они

не ясно указывают и плохо своим примером освещают конечный пункт исканий. А этот пункт и есть не отвлеченное понятие христианства, а именно Церковь Бога живаго. Можно по примеру многих людей, до конца прошедших томительный путь исканий, судить о том, что полное успокоение наступает только тогда, когда человек уверует в Церковь, когда он всем своим существом воспримет идею Церкви так, что для него немыслимым будет отделение христианства от Церкви. Тогда начинается действительное *ощущение церковной жизни*. Человек чувствует, что он ветвь великого, присно цветущего и присно юнеющего древа Церкви. Он сознает себя не последователем какой-нибудь школы, а именно членом тела Христова, с которым он имеет общую жизнь и от которого он получает эту жизнь. Поэтому только тот, кто уверовал в Церковь, кто идеей Церкви руководится в оценке явлений жизни и в направлении своей личной жизни, кто, наконец, *почувствовал в себе жизнь церковную*, тот и только тот на правильном пути. Многие, что раньше казалось неопределенным и соблазнительным, станет несомненным и ясным. Особенно дорого, что во времена общего шатания, колебания из стороны в сторону, справа налево и слева направо, каждый церковный человек чувствует, как он стоит на непоколебимой вековой скале, как твердо у него под ногами.

В Церкви живет Дух Божий. Это не сухое и пустое догматическое положение, сохраняемое только по уважению к старине. Нет, это именно истина, *опытно познаваемая* каждым, кто проникся церковным сознанием и церковной жизнью. Благодатная жизнь Церкви даже не может быть предметом сухого научного изучения, она доступна изучению только опытному. О жизни благодати, ясно ощущаемой, человеческий язык всегда может высказываться только туманно и темно. Иларию Пиктавийский высказал великую и совершенно верную мысль: “Это свойство Церкви, что тогда она становится понятной, когда ее усвоишь”. Вот именно о жизни церковной знает только тот, кто ее имеет; для него она не требует доказательств, а для неимеющего ее она и недоказуема.

Поэтому для члена Церкви должно быть задачей всей его жизни — постоянно более и более объединяться с жизнью Церкви, а в то же время и для других немолчно проповедовать именно о Церкви, не подменяя ее христианством, не подменяя жизни сухим и отвлеченным учением.

Слишком часто говорят теперь о недостатке жизни в Церкви, об “оживлении” Церкви. Все эти речи мы затрудняемся понимать и весьма склонны признать их совершенно бессмысленными. Жизнь в Церкви иссякнуть никогда не может, ибо до скончания века в ней пребывает Дух Святой (Ин. 14,16). И жизнь в Церкви есть. Только бесцерковные люди не замечают этой жизни. Жизнь Духа Божия не понятна человеку душевному, она кажется ему даже юродством, ибо доступна она человеку только духовному. Нам, людям душевного склада мышления, редко дается ощущение церковной жизни. А между тем и теперь люди, сердцем простые и жизнью благочестивые, постоянно живут этим ощущением благодатной церковной жизни. Эту церковную атмосферу, это дыхание церковное особенно ощущаешь в монастырях.

Когда говорят о недостатке жизни в Церкви, то обычно упоминают о недостатках церковного управления, о тысячах консисторских бумаг и т. д. Но для понимающего подлинно церковную жизнь ясно как Божий день, что все эти консистории с их указами почти совсем не затрагивают глубины церковной жизни. Полноводная река благодатной жизни течет непрерывно и напаяет всякого, кто хочет утолить свою духовную жажду. Эту реку “бумагой” не запрудить...

Нет, не о недостатке жизни в Церкви, по нашему мнению, нужно говорить, а только о недостатке в нас церковной сознательности. Многие живут церковной жизнью, совсем даже этого ясно не сознавая. А если мы даже и сознательно живем церковной жизнью, мы мало

проповедуем о благе этой жизни. С посторонними мы ведем спор обычно только о христианских истинах, забывая про церковную жизнь. Учение, теория, догмат в наших глазах стоят выше жизни церковной. Мы тоже иногда способны бываем подменить Церковь христианством, жизнь — отвлеченной теорией.

Наша беда, что мы сами-то мало ценим свою Церковь и великое благо жизни церковной. Мы не исповедуем своей веры в Церковь смело, ясно и определенно. Веруя в Церковь, мы постоянно как бы извиняемся за то, что мы в нее еще веруем. Мы читаем девятый член Символа веры без особенной радости и даже с виноватым видом. Церковного человека теперь часто встречают восклицанием тургеневского стихотворения в прозе: “Вы еще верите? Да Вы совсем отсталый человек!” И многие ли имеют столько мужества, чтобы смело исповедать: “да, я верую во единую святую, соборную и апостольскую Церковь, принадлежу ко святой Православной Церкви и потому я самый передовой человек, ибо в Церкви только возможна та новая жизнь, ради которой] Сын Божий приходил на грешную землю, только в I Церкви можно придти в меру полного возраста Христова, — следовательно: только в Церкви возможен подлинный прогресс!”

Не чаще ли на вопрос: ты не из учеников ли Христовых? — готовы мы ротиться и клястися, яко не знаю человека?

Насущной потребностью настоящего времени поэтому можно считать открытое исповедание той непреложной истины, что Христос создал именно Церковь и что совершенно нелепо отделять христианство от Церкви и говорить о каком-то христианстве помимо святой Христовой Церкви Православной. Эта истина, думаем, многим осветит конечный пункт их томительных исканий, укажет им его не в безжизненном учении, хотя бы и евангельском, а в церковной жизни, где они действительно освободятся от сети дьявола, который уловил их в свою волю (2 Тим. 2, 26). Эта истина поможет и нам опознать церковную жизнь и “собрать расточенная” чада церковная, да вси едино будут, как молился Господь Иисус Христос пред Своими страданиями.

Мы закончим свое рассуждение одним святоотеческим подобием. Церковь подобна крепкому дубу, а человек вне Церкви подобен летящей птице. Посмотрите, как бьется несчастная птица, когда она летит при сильном ветре! Как неровен ее полет! То она взлетает вверх, то опрокидывает ее вниз, то подвинется она немного вперед, то снова относит ее далеко назад. Так носится и человек ветрами лжеучений. Но как птица успокаивается в густых ветвях дерева и мирно смотрит из своего убежища на несущуюся мимо бурю, так и человек обретает мир, когда прибегает к Церкви. Из своего тихого пристанища смотрит он на свирепую бурю “около церковных стен”, скорбит о несчастных людях, которые застигнуты этой бурей вне Церкви и медлят укрыться под ее благодатным кровом, и молится к Господу: соедини их святей Твоей соборней и апостольстей Церкви, да и тии с нами славят пречестное и великолепое имя в Троице славимого Бога.

Из сборника:

Священномученик Иларион, архиепископ Верейский

“Без Церкви нет спасения”

© Сретенский монастырь, 2001 г.

Печатается по изданию: Владимир Троицкий. Христианство или Церковь?.

Второе издание, исправленное и дополненное. Сергиев Посад. Издание Н. М. Елова. 1912 г.”.